

Джоанна
ЛИНДСЕЙ

И ТОЛЬКО
СЕРДЦЕ ЗНАЕТ

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Coe)-44
Л59

Серия «Лучший любовный роман»

Johanna Lindsey

DEFY NOT THE WARRIOR

Перевод с английского *Н. Смолы*

Серийное оформление и компьютерный дизайн *А. Орловой*

Печатается с разрешения Avon, an imprint of HarperCollins Publishers,
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Линдсей, Джоанна.

Л59 И только сердце знает : [роман] / Джоанна Линдсей ;
[перевод с английского Н. Смолы]. — Москва : Издатель-
ство АСТ, 2022. — 384 с. — (Лучший любовный роман).

ISBN 978-5-17-149579-4

Англия, двенадцатый век. Она — хозяйка величественного замка, единственная дочь влиятельного лорда. Он — странствующий рыцарь, незаконнорожденный и отвергнутый. Она — своевольная и непокорная красавица, он — неотразимый мужчина, презиращий женщин. Волею судеб они встретились, и только сердце знало, что ждет их впереди.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Coe)-44

© Johanna Lindsey, 1989

© Перевод. Н. Смолы, 2019

ISBN 978-5-17-149579-4

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Глава 1

1192 год, Англия, Клайдонский замок

Снова и снова ужасный грохот сотрясал сводчатые стены замка. Удары стенобитного орудия заглушали все остальные звуки, тонувшие в их чудовищной силе. Не слышно было ни жуткой неразберихи, царившей на внутренних укреплениях, ни полных смертельного страха криков, доносившихся с внешнего двора. Эти зловещие удары проникали во все уголки замка и, как стрелы, пронизывали невыносимой болью голову Рейны де Шампенье.

Слишком стремительна и неожиданна была атака. Когда отчаянный крик «Измена!» разбудил Рейну, весь наружный двор замка был почти полностью занят неприятелем. На рассвете внешние ворота Клайдона были открыты предателем, укрывшимся в замке от царившей накануне непогоды под личиной пилигрима. Рейна с пламенными молитвами обратилась к Богу, горячо благодаря его за то, что он уберет ее от гораздо большей ошибки. Ведь если бы она все-таки поддавалась просьбам странника и впустила его во внутренний двор или даже в главную башню, то сейчас ей пришлось бы руководить обороной внутренних укреплений сторожевого поста, не смея и надеяться на победу. К сожалению, это была ее единственная удача.

Атакующих, казалось, насчитывалось не больше сотни, однако и в самом замке находилась лишь

жалкая кучка воинов, способных сражаться. После того как отец Рейны большую часть гарнизона взял с собой, отправившись в Крестовый поход, в ее распоряжении осталось всего пятьдесят пять воинов, лишь немногие из которых находились в замке, когда произошло нападение. Двадцать тяжелооруженных всадников, десять арбалетчиков и столько же лучников мужественно отражали атаки нападающих. Но уже шестеро из их числа нашли свою смерть в сражении или были ловко завлечены в хитроумно устроенные ловушки на внешних стенах, которые совсем не грозили нападающим огнем защитников замка, ибо в нем не было ни одного искусного стрелка, сумевшего бы навредить флангам атакующего войска.

— Усильте огонь! — крикнула Рейна что было сил одному из слуг, также вставшему на защиту замка наряду с воинами. — Скорее же! Кипяток нам нужен немедленно, а не когда ворота окажутся в руках противника!

Она перегнулась через укрепление как раз вовремя, чтобы увидеть, как огромная каменная глыба с ужасным грохотом упала в нескольких футах от стенобитного орудия, лишь подняв вокруг него облако серой пыли. Разгневанная Рейна обрушилась с упреками на своего верного слугу Теодорика. Несмотря на то что ему едва исполнилось восемнадцать, этот упрямец настоял на том, чтобы сражаться на укреплениях вместе со своей госпожой. И хотя она не раз пыталась отослать его вниз после того, как он помог ей облачиться в специально изготовленные доспехи, все было напрасно.

— Идиот! — в негодовании крикнула Рейна. — Ты должен был разбить орудие, а не поднять вокруг него пыль!

— Но эти глыбы так тяжелы! — раздраженно сверкнул глазами Теодорик, как будто хотел оправдать свое неумелое использование и так небогатого арсенала сражавшихся.

— Послушай-ка, Тео. Если ты недостаточно силен, чтобы справиться с ними, лучше убирайся отсюда и займись тем, что тебе под силу... Торопитесь! Кипятка еще! И добавь огня, у нас остается совсем мало времени!

Рейна отвернулась от Тео, обиженного ее грубостью, и чуть было не сбила с ног маленького Оулмера, также спешившего на помощь своей госпоже. Семилетний ребенок обхватил ноги Рейны своими худенькими ру-

чонками. Сердце девушки чуть не выпрыгнуло из груди, когда она осознала, что из-за своей хромоты мальчик, не умея держать равновесие и не обладая достаточной ловкостью, мог запросто вывалиться из укреплений.

— Что ты болтаешься под ногами? — хрипло проговорила Рейна, скорее со страхом за жизнь мальчика, нежели с раздражением из-за его появления.

Мгновенно карие глаза Оулмера наполнились слезами, и сама Рейна почувствовала, как предательская влага щеко-чет ей ноздри. Прежде она никогда не кричала на мальчика, а, наоборот, утешала его добрым словом, переживала вместе с ним его детские невзгоды. Рейна заменила ему мать, и поскольку никто из вилланов не хотел брать его на воспитание из-за уродливой хромоты, она сама вынянчила его, отвоевав у множества детских болезней. Поэтому она и думала о нем как о своем собственном сыне, считая себя обязанной заботиться и защищать его от несправедливостей жизни.

— Я хочу помочь вам, миледи! — пробормотал Оулмер.

Рейна опустила перед ним на колени, чтобы отереть слезы с его вымазанного сажей личика, надеясь, что, подарив мальчику полную нежности улыбку, она сможет помочь ему забыть проявленную ею недавно грубость.

— Конечно же, Оулмер! Я очень рада, что ты пришел, — солгала она, стараясь защитить его от града стрел, сыпавшихся на них со всех сторон, своим закованным в броню телом.

— Видишь ли, я так торопилась на укрепления, что не успела отдать служанкам все необходимые приказания. Может быть, ты сходишь вниз к леди Алисе и передашь ей, что я просила приготовить внутри башни все для приема раненых? Пусть разорвут как можно больше материи — нам понадобится много бинтов. Помоги им, пожалуйста. Останься с ней и с госпожой Хилари и постарайся быть полезным. А также успокой юных леди, скажи им, что бояться вовсе нечего. Ты же знаешь, как неразумны они бывают порой, — добавила Рейна, натянуто улыбаясь.

— Да, миледи. Они ведь совсем еще девочки.

«А ты всего лишь маленький мальчик», — с нежностью подумала она, глядя, как он, прихрамывая, ковыляет к лестнице.

По крайней мере, гордость его не была задета.

Однако другая проблема занимала уже ум Рейны:

как избавиться и от Теодорика. О! Если бы это было так же просто!..

И тут взгляд Рейны упал на юношу, помогавшего опрокинуть на нападавших огромный котел с кипятком. Страх сжал ее сердце, и она с трудом сдержала крик, но в то же мгновение стрела со свистом пролетела мимо нее, едва не расцарапав лицо, и она неожиданно для себя обнаружила, что лежит на полу, сбита с ног Оубером Манфредом.

— Слезь с меня, пустоголовый идиот! — прорычала она, глядя в мертвенно-бледное лицо Оубера.

— Но, миледи...

Рейна раздраженно прервала его:

— Неужели ты думаешь, что мне нравится прогуливаться под градом стрел? Но ведь в замке нет больше никого, кто мог бы возглавить оборону, ведь сэр Уильям, которого, несомненно, отравил этот чертов странник, прикован недугом к своей постели.

— Я могу.

— Нет! — Ответ Рейны прозвучал уже менее враждебно.

О, как бы ей хотелось, чтобы оруженосец сэра Уильяма на самом деле мог защитить Клайдон! Но ему было всего пятнадцать лет... К тому же в замке не было никого, за исключением самой Рейны, кто был бы хоть немного знаком с непостижимо трудной наукой обороны замков. Сама Рейна, в течение недели изучавшая сей предмет под неусыпным контролем сэра Уильяма, мало что могла вспомнить в этот ответственный момент.

— Именно меня они пытаются получить, значит, мне и принимать вызов своей судьбы. И если они все-таки одержат верх, то в этом буду виновата лишь я одна.

— По крайней мере, миледи, держитесь подальше от стен, — умоляюще проговорил Оубер, помогая Рейне подняться на ноги.

— Да, но... Тео!!!

Ее хриплый крик заставил обоих юношей вздрогнуть. А Теодорик, успевший в последнее мгновение отскочить в сторону, чтобы не обвариться кипятком, который выплеснулся прямо у его ног, обернул к Рейне свое разгневанное лицо. Но Рейна и так уже слишком долго терпела.

— К черту тебя, Тео, с твоим ослиным упрямством и глупой бравадой! Марш вниз! Сейчас же! Я слишком люблю тебя, чтобы спокойно наблюдать за тем, как на моих глазах тебя или продырявят стрелой, или окатят кипятком, и всего лишь потому, что ты возомнил себя героем, который запросто выполнит любую сложную работу. И это с твоими тонкими соломинками, что торчат у тебя вместо рук! Тео! Если ты сию же минуту не уберешься, я прикажу запереть тебя в башне. И ты, Оубер, ступай вниз. Мне нужны настоящие воины, а не младенцы, что путаются под ногами. От твоего меча нет никакого толку, пока они не взобрались на стены и не взяли ворота. Так что проваливайтесь и не смейте спорить со мной!

Оубер вспыхнул, однако не согласиться с Рейной не мог. Его мастерство действительно было бесполезно, пока он не сражался с врагом один на один. А Теодорик тем временем лишь ухмылялся, не спеша направляясь к лестнице. Если бы она не добавила, что слишком любит его, он, несомненно, чувствовал бы себя униженным. Но сейчас он удалялся достойно. Теодорик был всего на год старше Рейны, но от одного лишь вида крови он неизменно терял сознание, и они оба прекрасно это знали.

Как только оба юноши удалились, Рейна почувствовала неимоверное облегчение. Наконец она могла сосредоточиться на сражении. Кипяток все-таки был опрокинут на нападавших — и снизу послышались их дикие вопли. Однако уже через несколько мгновений вновь раздался оглушающий грохот. Будь прокляты эти дьяволы! Наверное, они уже перебили всех ее питомцев, для того чтобы сделать из их сырых шкурок надежное укрытие, которому не были страшны ни кипяток, ни огонь. Рейна побледнела от негодования. Нападавшие приложили последние усилия, чтобы сломить сопротивление ворот, и разобрали одну из повозок, стоявших во дворе, чтобы подпереть ствол дерева, срубленного в ее лесах. О!

— Миледи?

Она обернулась и увидела своего лакея, Жильбера Кемпе, принесшего ей ломоть хлеба с сыром и флягу вина. Его одежда была насквозь мокрой, ибо он помогал поливать здания и внутренний двор замка холодной водой, не-

смотря на то что атакующие еще не пустили в ход горящие стрелы.

— Спасибо, Жильбер. — Она благодарно улыбнулась и взяла еду, хотя и была слишком напряжена, чтобы есть в такой момент.

Услышав грохот стенобитного орудия, Жильбер вздрогнул.

— Вы знаете, кто это может быть? — спросил он.

— Это люди сэра Фолька, — без промедления ответила Рейна.

Ее замечание не на шутку встревожило лакея.

— Но ведь на их щитах отсутствует изображение рыцарского герба, кроме того, и рыцарей-то среди них нет, и пришли они явно неподготовленные к долгой осаде, — возразил Жильбер.

— Они предполагали, что с изменником в замке без труда захватят и саму башню. Да почти так и произошло. Если бы один из слуг случайно не заметил, как пилигрим подавал сигнал противнику, то у нас бы не хватило времени для того, чтобы вывести народ из внешнего двора и закрыть внутренние ворота... А кто еще, Жильбер, по вашему мнению, мог осмелиться напасть на меня? — Она понизила голос и добавила: — Кто, кроме него, мог знать, что отец мой мертв?

Слуга лишь покачал головой.

— Несчастье постигло нас вот уже больше года назад, так что наверняка многим за это время стало известно о смерти лорда Роджера. Впервые нам сообщили об этом четыре месяца назад. Неужели вы думаете, что отправившиеся с королем Ричардом в Крестовый поход рыцари не сообщают своим родным о случившемся с ними и их друзьями?! К тому же сам епископ осведомил смотрителя замка в Шеффилде о потере вассала одновременно с тем, как послал нам сообщение об этом. Неизвестно, с кем мог поделиться смотритель этой новостью за прошедшее время. Не забывайте также, миледи, что вы еще не замужем и пока неясно, когда состоится свадьба. А епископ в своем последнем письме настоятельнейшим образом требует, чтобы вы поторопились назвать окончательную дату этого торжества.

Несмотря на то что лакей был абсолютно прав, Рейна не желала с ним соглашаться. Ей все еще было тяжело

8 говорить о смерти отца и о своем незавидном поло-

жении богатой незащищенной наследницы. Глубокая скорбь захлестнула ее после получения известия о гибели отца. Только месяц спустя, слегка оправившись от удара, смогла она приступить к подготовке заключения столь необходимого ей союза. А теперь из-за ее непростительной медлительности Клайдон оказался в осаде, не имея достаточных сил, чтобы отразить нападение!.. Однако Рейна почему-то была уверена, что из всех охотников за легкой добычей под стенами замка находятся именно воины Фолька де Рочефорда, страстно мечтавшего завладеть как самим Клайдоном, так и его хозяйкой. И Рейна решила напомнить Жильберу, что у нее были все причины полагать так.

— Возможно, ты забыл о визите де Рочефорда, состоявшемся всего две недели назад? Не просил ли он меня выйти за него замуж? А когда я отказалась, не он ли, как подлый негодяй, прокрался ночью в мои покои, чтобы взять меня силой и таким грязным способом все же получить желаемое?! Если бы Тео не услышал мой крик...

— О миледи, прошу вас не вспоминать ту ужасную ночь. Возможно, именно сэр Фольк решил отомстить вам за то, что вы вышвырнули его из замка прямо в ров с водой! Но я говорю, что далеко не он один готов рискнуть, чтобы получить вас.

— Я не такая уж богатая наследница, — раздраженно сказала Рейна.

Жильбер в ответ неодобрительно на нее посмотрел:

— Согласен, не настолько, чтобы соблазнить епископа. Но для всех этих безземельных рыцарей, толпами шляющихся без дела, Клайдон со всеми его воинами и вассалами — достойная упорной борьбы награда!

Она не могла не согласиться со сказанным лакеем, но каждая новая его реплика вызывала у нее бурю негодования. Она могла бы выйти замуж еще два месяца назад, если бы так долго не провозилась с составлением и отправкой писем. Конечно же, она прекрасно понимала, насколько уязвимым было ее положение. Ведь епископ Шеффордский все еще оставался в Святой земле, а вместе с ним и половина ее верных вассалов, трое из которых, включая ее отца, уже никогда не вернутся домой. И эта чертова атака застала ее совсем распрямленной, она даже не успела послать гон-

ца к своему вассалу Симону Фитц Осберну с просьбой о помощи.

— Кроме того, на нас могли напасть и те бандиты, что скрываются в лесах, — продолжал Жильбер.

Рейна с трудом подавила улыбку, не желая обидеть слугу. Но вдруг страх подступил к ее горлу, и моментально исчезло бывшее легкомыслие.

— Эти лесные крысы не посмеют...

— Но ведь среди напавших нет ни одного рыцаря, — напомнил Жильбер.

— Де Рочефорд тоже не настолько богат, чтобы снарядить своих людей... Все, хватит, Жильбер, не важно, кто пытается ворваться в замок, ибо, пока у нас есть силы, мы будем сражаться с ними за честь своего дома, будь они хоть слугами самого дьявола!

Лакей не вымолвил больше ни слова, ибо был совсем не в настроении спорить с хозяйкой. Однако когда Рейна снова осталась одна, беспощадные тиски страха стальными объятиями сжали ее сердце. Да, с собой-то она могла быть откровенна — ей действительно было безумно страшно! Если бы Клайдон просто осадили, она могла бы продержаться под прикрытием его надежных стен многие месяцы, и тогда отряды Симона или Джона де Ласкеля, прибытия которых она ожидала на следующей неделе, спасли бы замок от разорения. Но увы. Эти негодяи, посмевавшие напасть на ее замок, действовали поспешно, стараясь завершить свое грязное дело как можно скорее. Наверняка они были осведомлены о том, что в Клайдоне в этот момент почти не было воинов, иначе они не начали бы штурм, едва Рейна отказалась добровольно открыть внутренние ворота замка. Несомненно, они спешили заполучить Клайдон прежде, чем могла прибыть помощь, ибо силы их были невелики.

Казалось, Рейна использовала все, что имела, и ничто теперь не могло спасти замок. Ее надежная защита, внешний пояс укреплений с огромным рвом, для преодоления которого неприятелю потребовалось бы много сил и времени, был при помощи пилигрима почти сломлен. Бесспорно, в распоряжении Рейны находилось слишком мало воинов для обороны такой большой крепости, какой являлся Клайдон, неприятель понес бы огромные потери,

пытаясь преодолеть внешние стены и, возможно, отказался бы в конце концов от своих грязных намерений...

Стены внутренних укреплений замка защищали гораздо меньшее пространство, в одном из углов которого находилась главная башня, однако и эту часть замка не могла спасти Рейна, ибо у нее почти не было времени, чтобы подготовиться к достойному отпору нападавших. Она постаралась выполнить все указания сэра Уильяма: проверила и подготовила оружие, раскаленные песок и воду, чтобы обрушить все это на врага, рогатки, чтобы не допустить врагов внутрь замка по приставным лестницам, смочила вещи, которые могли загореться. А в это время строения внешнего двора были разобраны для защиты от стрел и постройки нового моста, чтобы пересечь по нему ров, а ее животные истреблены из-за их драгоценных шкурок, служивших нападавшим надежнее всяких щитов... Но Рейна все еще не теряла надежды, удвоив свой маленький гарнизон, вооружив всех слуг. И несмотря на то что они ничего не понимали в военном деле, они могли отлично швырять камни на головы нападавших, сбрасывать лестницы... К сожалению, когда стенобитное орудие все-таки завершит свою ужасную работу и ворота не смогут больше защитить жителей замка, помощь слуг окажется совершенно бесполезной, и самой Рейне останется лишь укрыться в главной башне со всеми обитателями бывшего некогда столь неустрашимым и мощным Клайдона.

Глава 2

Негромкое мяуканье разбудило его: это Леди Элла напомнила о своем желании приступить к завтраку. Ранульф Фитц Хью, не открывая глаз, протянул длинную руку, бережно взял комок свалывшегося меха и положил его на свою широкую грудь.

— Думаю, пора вставать, — сонно проговорил он своей кошке, совсем не надеясь, что получит ответ, который, однако, незамедлительно последовал:

— Милорд?

Ранульф недовольно скривил лицо. Черт возьми, и как это он мог забыть, что вчера вечером, направляясь спать, он прихватил с собой не только кошку, но и кое-ко-

го еще. Это была одна из тех женщин, что постоянно сопровождали его отряд. И теперь она лежала рядом с ним и нежно поглаживала его голую ногу своей, призывая возобновить страстные ласки прошлой ночи. Но Ранульф был абсолютно безразличен к этим заигрываниям. Блудница, оказавшаяся столь кстати под рукой накануне вечером, не вызывала у него никаких эмоций на следующее утро, ибо, раз удовлетворив свое желание, Ранульф забывал о женщинах до следующего сеанса любви. В это же утро присутствие девки особенно раздражало его, так как ему предстояло выполнить ответственное задание, и Ранульф хотел снова тщательно все обдумать. Он поднялся и со словами «Пошла прочь!» шлепнул ее по обнаженному задку, смягчив грубость мимолетной лаской и давая тем самым понять, что не желает больше видеть ее в своей палатке.

Она зазывающе улыбнулась, но Ранульф предпочел не заметить недвусмысленный намек этих вызывающе прекрасных губ. Хоть его сегодняшняя гостья и была самой очаровательной блудницей из тех, что посещали его ложе в последнее время, этот факт несколько не воодушевлял Ранульфа, ибо он привык к тому, что умопомрачительные красотищи слетались при одном лишь его появлении, как мухи на мед. Их на самом деле было так много, что в это утро он не мог даже вспомнить имя той, что так часто делила с ним неприхотливое походное ложе.

А звали ее Мэй, и как только Ранульф нашел монетку, чтобы расплатиться за ласки, она знала, что уже забыта. Однако молодая женщина никак не могла забыть Ранульфа... Сколько раз заставляла она себя не думать об этом мужчине и тем не менее постоянно ловила себя на том, что ее мысли обращены только к нему. Мэй прекрасно понимала, что совершила огромную ошибку, позволив чувствам вмешаться в работу, однако менять что-либо было уже слишком поздно. Впервые Мэй была влюблена. Как и любая другая женщина, взглянувшая хоть однажды на Ранульфа, она не смогла устоять перед чарами его мужественной красоты. А за то, что из всех женщин, следовавших за отрядом, лишь ее одну хоть изредка приглашал в свою палатку Ранульф, Мэй ненавидели ее подруги.

Но если бы они только знали, что Ранульф уже от-
правил своего оруженосца за другой, соперницей,

«очаровательной блондинкой», как он ее называл, если бы они знали и то, насколько мало она для него значила, что он даже не мог запомнить ее имени, они бы так не завидовали ее печальной участи. Для Ранульфа она была не больше чем просто блудницей, доставляющей удовольствие, торгующей любовью шлюхой.

Она тяжело вздохнула, наблюдая за тем, как обнаженный Ранульф выходил из палатки, чтобы освежиться. Как и большинство мужчин, он никогда не скрывал свою наготу, если рядом не было впечатлительных леди, смущавшихся от подобной вульгарности. Женщины такого поведения, как Мэй, в расчет не шли. Однако при мысли о том, что ни одна из этих слабонервных леди не стала бы скромно опускать глаза при виде обнаженного Ранульфа, Мэй злобно рассмеялась. Лишь немногие мужчины могли похвастаться таким огромным ростом и внушительностью форм. И то, что сэр Ранульф постоянно избегал общения с благородными дамами, будто был прыщавым недомерком, по мнению Мэй, было абсолютной глупостью.

Очнувшись от своих размышлений, Мэй отругала себя за подобные мысли. К тому же она и так слишком долго оставалась в палатке Ранульфа, утреннее ворчание которого хоть и было обычным делом, но могло превратиться в настоящий ураган, застань он по возвращении ее все еще нежащейся на его ложе.

Однако в это утро у Ранульфа было самое прекрасное расположение духа, что являлось, по убеждению его оруженосца Ланзо Шерферда, настоящим чудом. Вместо того чтобы пнуть его не совсем нежно носком сапога, Ранульф лишь слегка взъерошил его жгуче-рыжие волосы, а Леди Элла радостно прыгнула к нему на колени, кокетливо мурлыкая в ожидании завтрака.

— Думаешь, сегодня ночью Мэй доставила ему небывалое удовольствие? — Ланзо подмигнул своему приятелю, оруженосцу Кенрику, который сворачивал свой матрац.

Увидев, что господин уже скрылся в кустах и бояться как будто нечего, Кенрик, который был постарше Ланзо, а потому и опытнее, глубокомысленно произнес:

— Вряд ли в эту ночь произошло что-нибудь особенное. Она каждую ночь ублажает его так, как нам и не снилось.

Оба юноши, как, впрочем, и другие воины их отряда, привыкли становиться незаметными для женщин в присутствии Ранульфа. Но Ланзо, которому едва исполнилось четырнадцать лет, был еще неопытен в подобных делах, ему это было абсолютно безразлично.

— Просто он возбужден из-за предстоящей работы, — продолжал Кенрик, обратив свои узкие, как у турка, глаза к Ланзо. — Старый Грил, что порекомендовал нас для этого дела, сказал, что оно будет несложным, но ты же знаешь, что Ранульф ненавидит браться за работу, если придется возиться с женщинами.

— Серл сказал, что из-за этого он даже может отказаться от исполнения задания.

— Вполне справедливо, но пока он вроде не принял окончательного решения. Хоть он и позволил людям Ротвелла присоединиться к нашему отряду, Ранульф еще не взял с него денег за работу.

— Все, на что оказались способными люди этого старикашки, — так это мешать нам продвигаться более быстрым темпом. Но вот чего я на самом деле не понимаю...

— Опять сплетничаете, как маленькие девочки?

Увидев подошедших к ним Серла и Эрика, Ланзо покраснел и быстро вскочил на ноги, а Кенрик лишь многозначительно ухмыльнулся. Оба юноши только что были посвящены в рыцари во время службы у одного лорда, к которому нанялись вместо выплаты долга.

Ранульф, конечно, мог бы и сам посвятить их в рыцари, но ему хотелось, чтобы церемония была по-настоящему торжественной и чтобы свидетелями ее были не только воины его отряда. Обоим рыцарям было всего по восемнадцать. Серл Тотнес был немного выше Эрика, со светлыми волосами и лучистыми серыми глазами, а Эрик Фитцстефел был ярким брюнетом с узкими карими глазами, как и у Кенрика, неизменно придававшими ему немного сонный вид. Оба рыцаря сопровождали Ранульфа и сэра Уолтера де Брютта во всех их походах значительно дольше, чем Кенрик и Ланзо, и тем не менее эти четверо юношей очень сдружились, ибо были похожи друг на друга. Все они были незаконнорожденными детьми лордов, появившимися на свет в деревне или на кухне замка и отвергнутыми своими по-

чтенными отцами, навсегда потеряв таким образом надежду на обеспеченную и беззаботную жизнь. Наполовину простолюдины, наполовину благородные, они были изгоями как для одних, так и для других. Если бы Ранульф не распознал в них настоящих воинов и не выкупил их, они все еще были бы обыкновенными рабами, прикрепленными к земле тех людей, что произвели их на свет. Сам Ранульф, будучи незаконнорожденным, лучше, чем кто-либо другой, понимал все горести жизни бастарда.

— Мы тут размышляли над тем, почему это сэр Ранульф отказался взять у старика Ротвелла часть денег, причитающихся нам за работу, — полушутливо-полусерьезно сказал Ланзо.

— Если ты, мой милый маленький друг Ланзо, подумаешь над этим, то ответ сам придет тебе в голову.

— Но единственный возможный ответ, приходящий мне в голову: он просто не уверен в том, что выполнит задание до конца.

— Именно так, — кивнул Эрик.

— Но почему же?

Эрик усмехнулся:

— Все не так уж просто, дружище. А ты-то что обо всем этом думаешь, Серл? Ранульф же терпеть не может Ротвелла, думаешь, он просто взял и поверил рассказам старикашки о разорванной помолвке?

Серл лишь пожал плечами.

— Ранульф не раз выполнял поручения тех, кто ему не нравился. И те точно так же лгали, но ничего от этого не менялось. Деньги есть деньги.

— Следовательно, это может быть лишь оттого, что здесь замешана женщина.

— Возможно, эта причина переплелась со множеством других. Но если он уже решил...

— Мы же так долго шли и почти что у цели теперь. Ему нужно было раньше принимать решение. И неужели он сможет отказаться от пятисот марок? — рассудительно проговорил Ланзо, устремив взгляд на друзей, ожидая их ответа, которого, однако, не последовало. Ланзо повернул голову и увидел приближающегося к их компании Ранульфа.

И только тогда мальчик вспомнил, что все еще дер-